

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В СУАР КНР ПОСЛЕ 2000 г.

Исследуются сущность и основные направления национальной политики, осуществляемой Центральным правительством КНР в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) с 2000 г. и до сегодняшнего дня. В указанный период национальная политика в регионе стала больше, чем просто системой взаимоотношений с местным неханьским населением. Принимая во внимание специфику региона, его место во внутренней политике государства, существующие там проблемы, современная национальная политика властей в СУАР, осуществляемая в политическом, социально-экономическом, религиозном, культурном направлениях, в контексте обеспечения безопасности и сохранения межнационального мира представляется оправданной и логичной, однако зачастую не лишенной противоречий.

Ключевые слова: СУАР; национальная политика; социально-экономическое развитие; безопасность; религиозный экстремизм.

Синьцзян-Уйгурский автономный район занимает особое место во внутренней политике страны. Пристальное внимание властей к Синьцзяну определяется сложившейся спецификой; местом региона в проходящих с конца 1990-х – начала 2000-х гг. по сегодняшний день геополитических, экономических, этнических и иных процессах, а также существующими там проблемами.

СУАР – это самая большая административно-территориальная единица в КНР, имеющая стратегически важное пограничное расположение. Также через данную территорию проходит кратчайший путь для Китая в Центральную или Южную Азию или на запад. Такое выгодное географическое положение Синьцзяна позволяет закрепить позиции страны в этих регионах. То есть геополитическая и военная ценность СУАР как плацдарма для действий КНР в сопредельных регионах не вызывает сомнений. Однако географическая удаленность и относительная изолированность данной территории от остального Китая заставляют Центральное правительство уделять ей внимание также в контексте обеспечения в регионе своего политического и экономического руководства и сохранения территориальной целостности государства.

Другая сторона специфики Синьцзяна заключается в том, что на рубеже 1990–2000-х гг. данная территория стала перспективной ресурсной базой, в значительных запасах сырья которой так нуждается ежегодно наращивающая темпы своего развития китайская экономика. Таким образом, налицо еще одна причина усиления внимания к СУАР, которое выразилось в претворении в жизнь обширной программы «Большого освоения Запада», запущенной в 2000 г. и рассчитанной до 2050 г. – масштабного комплекса преобразований, направленных на форсирование экономического развития всего Запада КНР. А это, в свою очередь, ожидаемо придает дополнительный импульс и дальнейшему росту экономики уже на общегосударственном уровне. Кроме того, одной из причин осуществления данной программы стала задача ликвидации серьезной региональной дифференциации между Востоком и Западом Китая в уровне социально-экономического развития. Для Синьцзяна это также является важным вопросом безопасности, потому что высокая региональная дифференциация является одной из причин имеющейся социальной и этнической напряженности.

Однако главная особенность СУАР состоит в том, что это национальный регион, большую часть неоднородного населения которого составляют неханьские народы, всего около 47 народов (около 62,05% всего населения) [1]. К тому же регион отличается многоконфессиональностью, причем наиболее распространен ислам, исповедуемый большей частью населения (уйгурами, хуэй, казахами, киргизами, таджиками и т.д.). Проще говоря, имеют место объективные этноконфессиональные и культурные различия между народами Синьцзяна. Игнорировать интересы такого количества различных этнических и религиозных групп недопустимо и чревато серьезными последствиями. Социальный взрыв или иные волнения в регионе вполне могут стать опасным прецедентом и повлечь аналогичные процессы в других национальных образованиях КНР.

Более того, СУАР также является проблемным регионом с точки зрения значительного усиления к 2000 г. и в наши дни сепаратистских и националистических тенденций среди местного неханьского населения, в частности уйгуров. Недовольство осуществляемой властями, часто противоречивой, политикой; проникновение радикального ислама и деятельность международных террористических и этнических организаций на данной территории являются причиной достаточно высокого уровня межэтнической напряженности, катализаторами возникновения кризисных явлений. Это показали события в Баринской волости (1990 г.); в Кульдже (1997 г.); волнения уйгуров в 2008 и 2009 гг.; регулярные террористические атаки и т.д. Таким образом, в результате продолжающегося до сегодняшнего дня то вялотекущего, то взрывного противостояния властей и экстремистских сил, создается достаточно серьезная угроза безопасности и в масштабах СУАР и КНР, и в целом для государств Центрально-Азиатского региона, являющихся исламскими или же располагающими достаточно крупным уйгурским населением.

Данные факторы в основном и определяют курс современной национальной политики в СУАР, поэтому можно говорить о том, что перед Центральным правительством КНР стоят вполне определенные задачи. Среди них сохранение всеобъемлющего контроля над регионом; осуществление социально-экономических преобразований вместе с повышением уровня жизни местного населения в рамках програм-

мы «Большого освоения Запада» и, соответственно, подтягивание СУАР до уровня восточных провинций; обеспечение региональной безопасности, в частности борьба с проявлениями этнического национализма и сепаратизма, и т.д. [2]. Однако в условиях многонационального и многоконфессионального, а потому проблемного Синьцзяна успешное решение данных и иных задач в полной мере возможно лишь при правильном курсе национальной политики, осуществляемой в политическом; социально-экономическом; религиозном; культурном и иных направлениях. Это необходимое условие для поддержания межнационального равновесия, что, в свою очередь, является гарантией сохранения политической и социальной стабильности в регионе. Так что же представляет собой современная национальная политика властей в СУАР, каковы ее основные направления?

Сегодня национальная политика в СУАР осуществляется в рамках общего подхода властей ко всем национальным территориям КНР, естественно, с поправкой на местные условия и особенности. Основой является так называемая районная национальная автономия, рассматриваемая в КНР как «основная политика в решении национального вопроса» и «важный компонент политической системы государства» [3]. Районная национальная автономия предполагает осуществление достаточно самостоятельного управления внутренними делами СУАР, тем не менее, подотчетного центральным властям. В рамках районной национальной автономии Синьцзян обладает статусом автономного района, субъекта, наделенного правами провинции, однако пользующегося дополнительными правами и привилегиями как территория компактного проживания национальных меньшинств. Внутри Синьцзяна, следуя принципам районной национальной автономии для этнических групп, которым предоставлено право на автономию, также созданы пять автономных округов и ряд более мелких автономных субъектов – уездов, округов и т.д. Статус автономного района предполагает наличие самоуправления, последовательно осуществляющегося на нескольких уровнях – автономный уезд, автономный округ, автономный район – и подчиняющегося вышестоящей администрации. Высшими органами власти в регионе являются Народное правительство и Собрание народных представителей. Конечно, единое руководство, согласно принципам районной национальной автономии, находится в руках Центрального правительства в Пекине. В местной вертикали власти в определенных пропорциях представлены все этнические группы региона, как имеющие право на автономию, так и другие национальные меньшинства, а также задействованы национальные кадры.

Вообще, создание корпуса национальных кадров уже достаточно долгое время рассматривается в КНР как один из столпов национальной политики. В результате на сегодня до 52% руководящего состава в органах власти СУАР представлено национальными кадрами [4]. Необходимо отметить, что каждая этническая группа Синьцзяна обязательно представлена депутатами ВСНП, а национальности, насчитывающие свыше миллиона человек, представлены членами

ПК ВСНП [5]. Кроме того, главами Народного правительства на протяжении многих лет являлись, как правило, представители национальных меньшинств региона; так, с 2014 г. этот пост занимает Шохрат Закир, уйгур по национальности. Главы других автономных субъектов в составе региона также в большинстве представлены выходцами из неханьских народов. Это регламентируется рядом законов и подзаконных актов, основными из которых являются параграф 5 III главы Конституции [3] и положения «Закона о районной национальной автономии» [6]. Автономия в рамках данной системы в других областях также регламентирована и проявляется в предоставлении СУАР прав на ту или иную степень самостоятельности.

Например, в области законотворчества это наделение полномочиями на принятие или непринятие, приостановление действия государственных нормативных актов, если они не соответствуют специфике или нуждам Синьцзяна (естественно, с санкции вышестоящих инстанций); формирование собственного свода законов и подзаконных актов («Положения об автономии») по какой-нибудь определенной проблематике, действующих на данной территории, и т.д. Автономия региона в экономической сфере включает в себя самостоятельное решение вопросов экономического характера, касающихся управления различными процессами в экономике, промышленности, сельском хозяйстве, торговле, распределении и освоении средств на местном уровне; кроме того, это пользование природными ресурсами и получение выгод от реализации таковых; налаживание внешнеэкономических связей, и пр. В таких областях, как культура или образование, власти СУАР имеют достаточно самостоятельность, позволяющую поддерживать, развивать и обеспечивать защиту культуры, языкам и письменности местных этнических групп, что также преследует решение вопросов, касающихся смягчения межнациональных противоречий в данных сферах. Проблемы социального обеспечения и развития социальной сферы, медицина и здравоохранение, спорт также находятся в значительной степени в ведении местных властей, в решении которых, тем не менее, повсеместно оказывается государственная помощь.

Таким образом, в административно-правовом поле и управлении различными процессами местного значения СУАР располагает достаточной автономией, однако, как видно, относящейся в основном к внутренним делам региона. Следует отметить, что выстраивание курса региональной политики в различных областях требует обязательной ориентации на общенациональный вектор развития и согласие центральных властей на проведение наиболее крупных реформ или других ответственных шагов. Тем не менее, несмотря на заметный периферийный характер полномочий автономии Синьцзяна, это может квалифицироваться как реально работающая система самоуправления. Однако это все же недостаточно соотносится с традиционным пониманием автономии, предусматривающим наделение того или иного региона куда большей самостоятельностью. Центральное правительство все же сохранило за собой право в

большой степени вмешиваться в работу местных органов власти, особенно в политические, экономические, религиозные и другие процессы. В реальности в таких вопросах автономия местного самоуправления значительно меньше, чем это декларируется официально. При этом сохраняется определенная размытость прав и полномочий, сама же структура самоуправления уже начала устаревать. Поэтому различные силы внутри СУАР и сочувствующие им за рубежом, которые выступают с националистических и сепаратистских позиций, считают такую модель автономии недостаточной и борются если не за полную независимость от КНР, создание независимого исламского государства Восточный Туркестан, то определенно за расширение автономии или федеративное устройство с соответствующей моделью отношений [7].

С начала 2000-х гг. Центральное правительство уделяет особое внимание социально-экономическому направлению национальной политики в СУАР, которое к сегодняшнему дню стало приоритетным. Это объясняется не только уже упомянутыми ресурсными особенностями региона и экономическими перспективами, но и тем, что там, тем не менее, продолжают существовать проблемы социально-экономического развития. Они выражаются как в общем экономическом отставании Синьцзяна, как и остальных западных территорий КНР от более развитых восточных провинций, так и сравнительно низким уровнем жизни и социальной незащищенностью местного неханьского населения. Если с 1978 г., с начала Периода реформ в Китае, долгое время основное внимание уделялось развитию восточных провинций, то запад страны, в частности СУАР, до конца 1990-х гг. фактически оставался на периферии. Свою роль играет сохраняющийся и сегодня аграрный, сырьевой и довольно слабо развитый в промышленном плане характер местной экономики. Кроме того, это осложняется и другими факторами, такими как суровые климатические условия, низкий уровень урбанизации, значительные масштабы неосвоенных территорий, часто недостаточное внимание властей регионального и государственного уровня к проблемам региона, плохо налаженная система финансирования и просто отсутствие необходимых средств и т.д. [8].

Как следствие, значительная часть экономики Синьцзяна является недостаточно эффективной в быстро меняющихся современных экономических условиях. Местное неханьское население также в большой степени экономически неразвито, сохраняется достаточно высокий уровень бедности. Сегодня весьма большая разница в уровне жизни между этническими китайцами и неханьским населением в СУАР объясняется и тем, что первые расселены в основном в крупных населенных пунктах, заняты в промышленности и высококвалифицированных отраслях, в то время как вторые проживают преимущественно в сельской местности и занимаются сельским хозяйством и низкоквалифицированным трудом. Несомненно, такое положение провоцирует недовольство и социальную напряженность в среде национальных меньшинств, что весьма удачно коррелирует с существующими проблемами межэтнических отношений и

этнического национализма и сепаратизма, в конце 1990-х – начале 2000-х гг. как раз вошедших в новый виток своего обострения. Имеющиеся социально-экономические проблемы региона трактуются экстремистскими силами как следствие намеренной политики властей, направленной на разграбление Синьцзяна; разрушение местной экологии и ассимиляцию местных народов [9]. Это становится еще одним конфликтогенным фактором в межнациональных отношениях, катализатором радикализации части населения и антикитайских настроений. Таким образом, социально-экономическое развитие СУАР в этом плане представляется чрезвычайно важным шагом властей сегодня, поскольку, кроме общего экономического роста, это залог ослабления межнациональных противоречий, связанных с социально-экономическими проблемами неханьских народов. Именно на сокращении региональных диспропорций, развитии местных отраслей промышленности и сельского хозяйства; создании социальной инфраструктуры, борьбе с бедностью и безработицей, что положительно сказывается на повышении уровня жизни национальных меньшинств, и прочем строится социально-экономическое направление национальной политики в Синьцзяне. Очевидно, что работа властей на этих направлениях лишает радикальные националистические и сепаратистские силы своего основного ресурса – поддержки населения, социальной базы среди неханьских народов; обеспеченный пропитанием, работой человек, имеющий перспективы на будущее, не будет придерживаться экстремистских и антикитайских настроений [8].

Кроме того, власти не обходят стороной религиозное направление. Не секрет, что правильная и гармоничная религиозная политика представляется «важным условием сохранения социально-политической стабильности как в СУАР, так и в КНР в целом» [2]. Тем более что в Синьцзяне религия и культура каждого народа, как правило, тесно переплетены и одинаково определяют его образ жизни и мировоззрение. Религиозная политика китайских властей в регионе подчиняется принципам общего подхода к проблемам религии в стране, в основе которых лежат право свободного вероисповедания, разделение религии и политики, невмешательство религии в административно-правовую сферу, образование и другие области [10]. Однако в силу того, что сегодня заметно укрепились тенденции частого взаимного переплетения политики, социальных, этнических проблем и религии, что создает существенное давление на сферу межнациональных отношений, религиозная политика властей в Синьцзяне сочетает в себе как репрессивный, так и достаточно либеральный подходы, насколько это позволяет конкретная сложившаяся обстановка. Например, показательна ситуация с исламом, который исповедуется большей частью неханьского населения региона. С начала 1990-х гг. он в значительной степени политизировался и испытал на себе не менее сильное влияние экстремистских течений из-за рубежа, переживший радикальные цвета. Этому способствовала территориальная близость Синьцзяна к горячим точкам Средней Азии, например Афганистану,

где в то время радикальный ислам имел весьма сильное влияние. Проникновению радикалов также благоприятствовала проводившаяся властями достаточно либеральная религиозная политика, призванная нивелировать последствия Культурной революции для местных религий, в частности ислама, который подвергался гонениям в рамках масштабных антирелигиозных кампаний того времени [11]. Радикальный ислам стал эффективным идеологическим оружием в руках местных экстремистов, главным образом мощным средством привлечения в свои ряды масс недовольных под лозунгом «джихада против неверных». Весьма привлекательной является и идея создания независимого исламского государства Восточный Туркестан, которое объединило бы как мусульман СУАР и сопредельных провинций КНР, так и их единоверцев в странах Центрально-азиатского региона, граничащих с Синьцзяном. Кроме того, приверженность местных экстремистов радикальному исламу позволяет им заручиться значительной поддержкой из-за рубежа от радикальных религиозных и террористических организаций и т.д. Поэтому сегодня над исламской религиозной деятельностью в СУАР сохраняется достаточно жесткий контроль властей, проявляющийся в основном в мерах по борьбе с исламистскими группировками и организациями, эксплуатирующими радикальный ислам, и недопущению распространения радикальных идей, в том числе из-за рубежа (контроль над религиозной литературой; проповедниками; собраниями верующих). Кроме того, под пристальным вниманием властей находится так называемая нелегальная религиозная деятельность, выражающаяся в открытии частных религиозных школ, взимании каких бы то ни было религиозных налогов, а также собственно ведение религиозной исламской пропаганды [12]. В этой связи большое значение приобретает борьба с «подпольными мечетями и медресе», равно как и подготовка лояльного властям духовенства и постоянные проверки мусульманских священнослужителей на лояльность властям и КПК. Однако в процессе борьбы с радикальным исламом в поле зрения властей зачастую попадает и традиционный ислам. Недовольство мусульман СУАР вмешательством властей, этнических китайцев, не являющихся мусульманами, которые к тому же, исходя из исторически напряженных отношений с местными народами, считаются «оккупантами», в религию и связанные с ней сферы их жизни, закономерно подогревает антикитайские настроения и среди мирного населения, чем умело пользуются экстремисты. Весьма болезненно воспринимаются верующими излишняя регламентация и надзор. Например, это различные систематические запреты, которые объясняются властями исключительно как превентивная мера против религиозного экстремизма, вроде запрета на соблюдение религиозных постов или совершения намаза в публичных местах [13]. Однако в целом отношение властей к исламу определяется теми же принципами, что и к любой другой религии в СУАР. Тем не менее другие религии, исповедуемые неханьским населением СУАР (ламаизм, православие, несторианство, местные шаманские культы и т.д.), практически

не имеют подобных тенденций к политизации или радикализации; их приверженцами осуществляется «нормальная религиозная деятельность», принципы которой закреплены в соответствующих законах. Поэтому отношение к ним китайских властей весьма либеральное, определяющееся достаточно большой степенью веротерпимости.

Как один из главных аспектов культурного направления национальной политики в СУАР и самый проблемный стоит рассматривать языковую политику властей и проблему сохранения языков неханьских народов региона. Надо сказать, что культурному достоянию малых народов сегодня уделяется достаточно внимание, властями проводится целенаправленная политика по его сохранению и приумножению. Эта же политика подразумевает также сохранение, развитие, государственную защиту языков национальных меньшинств как неотъемлемой части их национальной идентичности, поскольку все народы КНР конституционно признаны «отдельными нациями» [3]. А язык, как известно, является непременным атрибутом и основной отличительной чертой любой нации. Поэтому сохранение продолжающих исчезать в современных условиях языков народов СУАР как национального культурного достояния является конституционной обязанностью государства, а также существенным шагом по поддержанию этнической самоидентификации каждого народа. В свою очередь, это может рассматриваться как еще одна мера по снижению градуса межэтнической и социальной напряженности. Поэтому в Синьцзяне реализуется использование национальных языков и письменности наравне с китайским языком в различных сферах жизни, будь то официальный документооборот или повседневное употребление. Однако ситуация с языками малых народов в регионе сегодня имеет двоякий характер. Несмотря на, казалось бы, значительную поддержку со стороны властей, существует тревожная тенденция постепенного вытеснения этих языков, имеющих законодательно закрепленный особый статус, при заметном укреплении позиций государственного языка – китайского [15]. И наиболее показательными примерами являются СМИ и образование. Если в СМИ довольно активно используются языки малых народов (например, вещание местного телевидения; выпуск печатных изданий и т.д.), то в образовании, несмотря на существующий двуязычный подход к обучению, на национальных и китайском языках, тем не менее, сохраняется приоритет последнего. С одной стороны, подобный подход в образовании позволяет представителям национальных меньшинств СУАР лучше интегрироваться в китайское общество путем освоения китайского языка. Незнание государственного языка является препятствием для их дальнейшей социализации и трудовой миграции, становясь одной из причин маргинализации и радикализации. С другой стороны, приоритетное положение китайского языка в образовании, ключевой для языков сфере, ведет к тому, что национальные языки медленно, но верно оказываются на периферии. Утрачивается их способность к развитию и сужается круг сфер использования; фактически они замещаются общеупотребитель-

ным и непрерывно развивающимся китайским языком, что ведет, в перспективе, к их исчезновению. Кроме того, сохраняющееся обучение на национальных языках, часто сталкивается с куда более прозаичными проблемами вроде нехватки специализированной литературы и квалифицированных преподавателей или же банального отсутствия достаточного финансирования и, в целом, пока плохо налаженной системы образования на местном уровне. Однако такие же технические трудности испытывает сегодня обучение представителей национальных меньшинств на китайском языке, в результате чего страдает качество их образования, что не позволяет им успешно конкурировать в дальнейшем образовании, на рынке труда или в трудовой деятельности. А это закономерно является еще одним конфликтогенным фактором, в известной степени накаляя межнациональные отношения. Поэтому языковая политика в Синьцзяне стала заложницей пока неудачных поисков компромисса между попытками обеспечения целостности государства путем сглаживания межнациональных различий, подведения всех под единые стандарты, в том числе и в области языка, и сохранения национальных языков, являющихся неотъемлемой частью этнической и культурной самоидентификации коренного ханьского населения и объективных технических трудностей.

В свете усиления с 1990-х гг. – начала 2000-х гг. националистических и сепаратистских тенденций в Синьцзяне, продолжающегося вялотекущего противостояния властей и экстремистов, сегодня приоритетным направлением национальной политики в целом стало обеспечение безопасности в регионе. Причем сейчас в СУАР под главными проблемами безопасности подразумеваются этнический национализм и сепаратизм (преимущественно уйгурские), помноженные на религиозный экстремизм и зачастую террористический характер деятельности экстремистского подполья, а также существование комплекса исторически сложившихся межнациональных противоречий. Эти явления представляют большую опасность для сложившегося в Синьцзяне порядка, являясь, прежде всего, угрозой территориальной целостности КНР и межнациональной стабильности. Поэтому в последние годы борьба с ними вышла на первый план не только во внутренней, но и, в определенной степени, во внешней политике КНР, потому что от этого зависит не только безопасность в СУАР и в целом в КНР, но и ситуация в масштабе всего Центрально-Азиатского региона. Центральное правительство, осознавая всю серьезность сложившейся к сегодняшнему дню ситуации в Синьцзяне, прикладывает достаточно большие усилия для удержания ситуации под контролем. Обеспечение властями безопасности и снижение межнационального напряжения достигается двумя путями. В целом политика властей в данной области является политикой «кнута и пряника», сочетая как силовые, так и сугубо мирные методы, своего рода «мягкую силу», которая, тем не менее, работает так же эффективно, как и акцент на силу [16].

Наиболее очевидный – силовой – способ решения проблем безопасности актуален в периоды обострения ситуации как это было во время уйгурских волне-

ний в 2008 и 2009 гг., беспорядков, акций гражданского неповиновения; терактов или же для обеспечения порядка во время каких-либо важных мероприятий, имеющих место в КНР. Чаше это мероприятия общегосударственного и международного масштаба (например, Олимпиада в Пекине в 2008 г.), во время которых возрастает террористическая угроза. Такой способ предполагает усиление полицейского контроля, регулярные силовые акции против экстремистов, присутствие существенно большего количества сотрудников органов безопасности и армейских подразделений (вплоть до того, что в отдельных районах в случаях серьезного обострения ситуации численность силовиков превышала местное уйгурское население [17]) и т.д. Главной целью властей и силовиков являются пресечение деятельности организованных этнических и террористических группировок, в том числе международных, а также борьба с религиозным радикализмом, в частности исламским, что соотносится с проводимой в КНР кампанией по противодействию сепаратизму, религиозному экстремизму и терроризму, известной под названием «борьба против трех зол». Данная кампания имеет также большое значение в контексте обеспечения безопасности в рамках всего Центрально-Азиатского региона, притом что элементы, включаемые в понятие «трех зол», имеют трансграничный характер и составляют, по сути, единое целое. Надо сказать, что наличие крупных уйгурских общин, которые испытывают на себе сильное влияние со стороны уйгурских экстремистов из СУАР, близость региональных горячих точек, являющихся источниками радикального ислама и терроризма, сепаратизм и этнический национализм создают потенциальную угрозу безопасности странам Центрально-Азиатского региона. Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан сегодня сталкиваются со схожими проблемами, поэтому для Китая, учитывая трансграничный характер этих вызовов безопасности, все более актуальным становится совместное с данными заинтересованными государствами противодействие подобным явлениям. И весьма удачной платформой для этого являются региональные организации, деятельность которых создает условия для политического, экономического и военного противодействия этническому национализму и сепаратизму, религиозному экстремизму и международному терроризму. Например, это Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) или Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), причем данные организации имеют схожие цели и задачи в плане «борьбы против трех зол».

Однако мирный подход к решению проблем безопасности часто рассматривается сегодня как более действенный, чем силовые методы. Собственно, он заключается в осуществлении комплексной национальной политики путем формирования особой системы взаимоотношений государства с национальными меньшинствами. Для обеспечения региональной безопасности и стабильности в межнациональных отношениях основным стало создание для ханьских народов Синьцзяна таких политико-административных; социально-экономических, культурных, ре-

лигиозных и иных специальных условий и преференций, которые способствовали бы постепенному исчезновению ряда причин возникновения недовольства и антикитайских настроений в их среде. Негативное историческое наследие взаимоотношений этнических китайцев, например, с теми же уйгурами пока изжить не представляется возможным. Однако куда более насущные вопросы, вроде проблем бедности, социальной эмансипации малых народов или сохранения их национального культурного достояния, вполне возможно решить в рамках современной национальной политики КНР. Тем более что это как раз потенциальные конфликтогенные факторы.

Таким образом, основной упор в современной национальной политике в СУАР делается на сохранении социально-политической и межнациональной стабильности, а также на противостоянии различным вызовам (включая проблемы социально-экономического развития, безопасности и т.д.), которые так или иначе затрагивают систему взаимоотношений государства и

национальных меньшинств. Однако успешное решение этих задач возможно лишь именно при комплексном подходе к проблемам национальной политики, включая политическое, социально-экономическое, религиозное, культурное и иные направления. Конечно, современная национальная политика не лишена противоречий и перегибов, однако этот институт является по-настоящему работающей системой, пока безальтернативной, кроме, разве что, радикального силового решения проблем, которая определяет сосуществование как народов региона между собой, так и собственно неханьских народов с китайским государством на территории Синьцзяна. Тем более, от этого во многом зависит и территориальная целостность КНР, и стабильность в СУАР, и ситуация в Центрально-Азиатском регионе вообще. Окажется ли она достаточно гибкой в меняющемся мире, покажет только время. Однако, тем не менее, это уникальный опыт, и он будет полезен в любой многонациональной стране, где присутствуют схожие условия и проблемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. China Statistical Yearbook 2016. Compiled by National Bureau of Statistics of China. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2016/indexch.htm>, свободный (дата доступа: 16.02.2017).
2. Национальная политика Китая и общее процветание, развитие всех национальностей (Белая книга). URL: http://russian.china.org.cn/government/archive/baipishu/txt/2009-12/14/content_19062289_3.htm (дата доступа: 12.12.2016).
3. Конституция КНР 1982 г. с изменениями 1988, 1993, 1999, 2004 гг. Законодательство Китая. URL: <http://chinalawinfo.ru> (дата доступа: 10.12.2016).
4. Ван Яо, Капицын В.М. Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая: территориальное самоуправление и национальная политика // *Arg administrandi* (Искусство управления). 2013. № 3. С. 107–117.
5. Москалев А.А. О новой редакции Закона КНР об автономии // Информационные материалы Института Дальнего Востока РАН. Общество и государство в Китае в ходе реформ. М., 2002. Вып. 12–13. С. 28–56.
6. «Закон о национальной районной автономии КНР». Законодательство Китая. URL: <http://chinalawinfo.ru> (дата доступа: 15.12.2016).
7. Чжэн Жуньюй. Китай в борьбе с сепаратизмом и терроризмом // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 2. С. 328–332.
8. Ян Фажэнь. Сибу да кайфа юй миньцзу вэнтэ [Стратегия масштабного освоения западных районов Китая и национальный вопрос]. Бэйцзин : Жэньминь чубаньшэ, 2005. 265 с.
9. Chaudhuri D. Minority Economy in Xinjiang – A Source of Uyghur Resentment // *China Report*. 2010. Vol. 46 (1). P. 9–27.
10. Религия и свобода совести в Китае (Белая книга). URL: <http://russian.china.org.cn/russian/32958.htm>, свободный (дата доступа: 13.11.2016).
11. Dillon M. Xinjiang – China's muslim far northwest. Routledge Curzon. London ; New York : Taylor & Francis Group, 2004. 201 p.
12. Будаева С.В., Черкасова Н.В., Белоганов В.А. Конфликты между политической властью КНР и религиозными движениями: возможность представления угрозы национальной безопасности России // Молодой ученый. 2015. № 7. С. 523–527.
13. В официальных учреждениях Синьцзяна запретили намаз // Ислам для всех. URL: <http://islam.com.ua/news/18718-v-ofitsialnykh-uchrezhdeniyakh-sintzyana-zapretili-namaz>, свободный (дата доступа: 01.03.2017).
14. Yuxiang Wang, Phillion Joann. Minority language policy and practice in China: the need of multicultural education // *International Journal of Multicultural Education*. 2009. Vol. 11, № 1.
15. Ма Жун. Чжунго миньцзу вэнтэ де лиши юй сяньчжуан (История и текущее состояние национального вопроса в Китае) // Юньнань миньцзу дасюэ сюэбао. Чжэсюэ шэхуэй кэсюэ. 2011. № 9. С. 15–20.
16. Kan S. U.S. – China Counterterrorism cooperation: Issues for U.S. Policy. US Department of State. Foreign press centers. URL: <http://fpc.state.gov/documents/organization/71784.pdf>, свободный (дата доступа: 20.01.2017).
17. Zhao Huasheng. China's view of and expectations from Shanghai Cooperation Organization // *Asian Survey*. 2013, May-June. Vol. 53, № 3. P. 445–446.

Статья представлена научной редакцией «История» 4 мая 2017 г.

PRIORITIES OF ETHNIC POLICY IN THE XINJIANG UYGHUR AUTONOMOUS REGION, CHINA, SINCE 2000

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 424, 116–122.

DOI: 10.17223/15617793/424/16

Vasily S. Novichkov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ritter_lohengrin@mail.ru

Keywords: Xinjiang Uyghur Autonomous Region; ethnic policy; socio-economic development; security; religious extremism.

This article focuses on researching the ethnic policy in Xinjiang-Uyghur Autonomous Region of the PRC (XUAR), which has been implemented there since 2000. Since that time the course of the ethnic policy has become determined predominantly by the prominent place of Xinjiang in contemporary domestic and foreign policy of China. The author considers that Xinjiang gets a special treatment, largely formed under the influence of its regional specificity, opportunities and prospects, numerous problems and challenges that appear at the local level, etc. The same factors also predetermined the comprehensive nature of the contemporary ethnic policy in XUAR. However, the author believes there are several priority areas, distinguished by the Chinese authorities, which support social and inter-ethnic stability, reinforce total Chinese control under this territory, as well as territorial integrity of the PRC and security in Xinjiang, etc. Therefore, in this article the author examines the following areas of the ethnic policy in XUAR: political

and administrative, socio-economic, religious, language policy as an integral part of the cultural area, maintaining security there. The author makes a conclusion that at this point the Central Government emphasizes socio-economic development of the region, equalization of the living standards of local non-Han population to the level of the eastern provinces along, confronting different security challenges and threats, for example, implementing the “struggle against the three evils” policy. Socio-economic development is the key factor of eliminating the main reasons for the growing discontent of the non-Han people, the triggers of social tensions, which often turn into inter-ethnic and anti-Han sentiment. These are social inequality, underdevelopment and poverty of the non-Han people. Confronting security challenges is extremely relevant as there are dangerous trends, like ethnic nationalism, separatism, terrorism and religious extremism in Xinjiang, which are even worrying, because of their stronger positions not only in the region, but also in the whole China and in the Central-Asia region. However, as the author fairly admits, even though the Chinese authorities pay much attention to the ethnic policy in XUAR, it is not flexible enough now. It has not only achievements, but obvious fails and excesses, too. Despite the fact that this circumstance is one of potential conflict factors, the whole system of the ethnic policy in Xinjiang has been functioning for a long time to show its resilience and has no alternative for now.

REFERENCES

1. National Bureau of Statistics of China. (2016) *China Statistical Yearbook 2016*. [Online] Available from: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2016/indexch.htm>. (Accessed: 16.02.2017).
2. Russian.china.org.cn. (2009) *Natsional'naya politika Kitaya i obshchee protsvetaniye, razvitiye vseh natsional'nostey (Belaya kniga)* [China's National Policy and Common Prosperity, the Development of All Nationalities (White Paper)]. [Online] Available from: http://russian.china.org.cn/government/archive/baipishu/txt/2009-12/14/content_19062289_3.htm. (Accessed: 12.12.2016).
3. Chinalawinfo.ru. (n.d.) *Konstitutsiya KNR 1982 g. s izmeneniyami 1988, 1993, 1999, 2004 gg.* [Constitution of the PRC in 1982 with amendments in 1988, 1993, 1999, 2004]. [Online] Available from: <http://chinalawinfo.ru>. (Accessed: 10.12.2016).
4. Wang Yao & Kapitsyn, V.M. (2013) Sin'tsyzan-Uygurskiy avtonomnyy rayon Kitaya: territorial'noe samoupravleniye i natsional'naya politika [Xinjiang-Uyghur Autonomous Region of China: Territorial Self-Government and National Policy]. *Ars administrandi (Iskusstvo upravleniya)*. 3. pp. 107–117.
5. Moskalev, A.A. (2002) O novoy redaktsii Zakona KNR ob avtonomii [On the new version of the PRC Law on Autonomy]. *Informatsionnye materialy Instituta Dal'nego Vostoka RAN. Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae v khode reform*. 12–13. pp. 28–56.
6. Chinalawinfo.ru. (n.d.) *Zakon o natsional'noy rayonnoy avtonomii KNR* [Law on the National District Autonomy of the People's Republic of China]. [Online] Available from: <http://chinalawinfo.ru>. (Accessed: 15.12.2016).
7. Zheng Zhunyu. (2008) Kitay v bor'be s separatizmom i terrorizmom [China in the fight against separatism and terrorism]. *Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya*. 2. pp. 328–332.
8. Jan Fazhen. (2005) *Strategy of large-scale development of the western regions of China and the national question*. Beijing: Renmin Chubanshe. (In Chinese).
9. Chaudhuri, D. (2010) Minority Economy in Xinjiang – A Source of Uyghur Resentment. *China Report*. 46 (1). pp. 9–27.
10. Russian.china.org.cn. (n.d.) *Religiya i svoboda sovesti v Kitae (Belaya kniga)* [Religion and freedom of conscience in China (White Paper)]. [Online] Available from: <http://russian.china.org.cn/russian/32958.htm>. (Accessed: 13.11.2016).
11. Dillon, M. (2004) *Xinjiang – China's muslim far northwest*. London; New York: Taylor & Francis Group.
12. Budaeva, S.V., Cherkasova, N.V. & Beloganov, V.A. (2015) Konflikty mezhdru politicheskoy vlast'yu KNR i religioznymi dvizheniyami: vozmozhnost' predstavleniya ugrozy natsional'noy bezopasnosti Rossii [Conflicts between the political power of the PRC and religious movements: the possibility of representing a threat to Russia's national security]. *Molodoy uchenyy*. 7. pp. 523–527.
13. Islam.com.ua. (2014) V ofitsial'nykh uchrezhdeniyakh Sin'tsyzana zapretili namaz [In official institutions of Xinjiang, namaz was forbidden]. [Online] Available from: <http://islam.com.ua/news/18718-v-ofitsialnykh-uchrezhdeniyakh-sintsyzana-zapretili-namaz>. (Accessed: 01.03.2017).
14. Yuxiang Wang, Phillion Joann. (2009) Minority language policy and practice in China: the need of multicultural education. *International Journal of Multicultural Education*. 11:1.
15. Ma Zhun. (2011) History and current state of the national question in China. *Yun'nan' min'tsu dasyue syuebao. Chzheshyue shekhuey kesyue*. 9. pp. 15–20. (In Chinese).
16. Kan, S. (n.d.) *U.S. – China Counterterrorism cooperation: Issues for U.S. Policy*. [Online] Available from: <http://fpc.state.gov/documents/organization/71784.pdf>. (Accessed: 20.01.2017).
17. Zhao Huasheng. (2013) China's view of and expectations from Shanghai Cooperation Organization. *Asian Survey*. May–June. 53 (3). pp. 445–446.

Received: 04 May 2017